

«СВОЙ – ЧУЖОЙ» В МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ЭВЕНКОВ

The paper presents analysis of folklore heritage of the Evenks. It was revealed that fairy-tales collected in different regions inhabited by Evenks have some significant differences caused by ethnic and cultural environment in which Evenks found themselves in different periods of their historical existence. Cultural diffusion was a result of nomads and other migrations caused by natural (poor crops, loss of cattle, epidemics) as well as by social factors (conflicts between tribes, attacks of robbers).

Открытия последних лет, сделанные в Приамурье археологами и этнографами, серьезно скорректировали схему этнокультурного развития региона за последние два тысячелетия. Появилась возможность реконструировать этногенез древнего аборигенного народа – амурских эвенков, с которыми непосредственно контактировали россияне, заселившие в 1858 г. юг Дальнего Востока после подписания Айгунского договора. За полтора столетия сформировалась своеобразная этнокультурная среда Приамурья, способствующая тесному контакту и общению русских и эвенков, принадлежащих к неадекватным локальным культурам. Это ставит проблематику межкультурной коммуникации в нашем регионе в ряд наиболее актуальных.

Эвенки – одна из малочисленных народностей Севера России – проживают в Красноярском и Хабаровском краях, в Читинской, Иркутской, Амурской, Сахалинской областях, Якутии и Бурятии. В Амурской области к районам компактного проживания эвенков относятся Зейский (с. Бомнак), Селемджинский (с. Ивановское), Тындинский (с. Первомайское, с. Усть-Уркима, с. Усть-Нюкжа) районы.

Эвенки – одно из наиболее распространенных самоназваний народности тунгусо-маньчжурской группы, известной ранее в литературе под названием *тунгусы*, *орочоны* (оленные), *манегры* (от названия одного из местных родов «манягир»), *бирары* (речные), *илэ* (человек), *мата* (гость); в фольклоре встречаются еще названия *ганалчи* и *урункай*. С 1930 г. «эвенки» – официальное название этого народа.

Проживая на обширной территории, эвенки многие века контактировали с другими коренными народами Сибири и Дальнего Востока, русскими переселенцами, что нашло яркое выражение в эвенкийском фольклоре. В сказочном творчестве эвенков отразилось влияние бурятского, якутского фольклора, а также народов угро-самодийской группы (ненцев, энцев, нганасанов, селькупов, хантов, кетов) и собственно тунгусо-маньчжурской группы – близких эвенкам по языку эвенов (ламутов), негидальцев, солонов (частично проживающих в Монголии и Китае), а также нанайцев, ульчей, ороков, удэгейцев, орочей. Черты сходства их фольклора предопределены исторически сложившимися хозяйственно-производственными отношениями, общностью духовной культуры, активной культурной диффузией, обусловленной кочевым образом жизни и связанной с этим частичной этнической ассимиляцией. Имеет место и двусторонняя интерференция однотипных сюжетов.

Неотъемлемый элемент культурной самоидентификации – создание образов культурной идентичности, на основании которых люди разделяются на «своих» и «чужих». В мифологии данный процесс отразился в нескольких последовательных формах. Во-первых, разделение живых существ на «человеческий народ» и «звериный народ»; во-вторых, разделение людей на древних, часто терморфных, иноприродных (например, деревянных или глиняных) и современных, обладающих культурными навыками; в-третьих, слово «человек» (с эвенк. – «илэ») входит в самоназвание этноса; на этом основании другие люди оцениваются как «не совсем люди», или «неполноценные люди». Носители чуждого типа культуры воспринимаются как инородные существа, непонятные, а значит, опасные и враждебные. Такое неприятие и настороженность характерны как для записанных этнографами рассказов эвенков об их первой встрече с другими этносами (например, русскими), так и для исторических преданий, легенд и сказок.

В эвенкийских сказках и преданиях отражены события, связанные с различными этапами формирования этнокультурной общности, межкультурными контактами, историей отдельных племенных групп и родов. Согласно эвенкийским преданиям (сказка «О роде Киндыгир») эвенки пришли на Байкал по наущению и под руководством шамана после того, как он однажды увидел это благодатное место. «Хорошее место вижу. Но народу там, словно леса, много» [4, с. 229]. Шаману пришлось трижды поджигать лес, чтобы проложить дорогу эвенкам. Согласно легендам эвенков, когда-то эту территорию занимали монголы, которым помогли скрыться от воинственных эвенков-захватчиков их божества. Затем несколько объединенных экзогамных групп продвинулись к северу от озера и осели на реках Лена и Ангара.

Сказки отразили традиции экзогамных браков и территориальных конфликтов. Так, в предании о роде Киндыгир такие отношения объясняются стремлением организовать военный союз, основанный на территориальной близости и кровном родстве киндыгиров и самагиров. Каждый род имел свои тотемные атрибуты, например, киндыгиры носили рога, по этому знаку их отличали враги. Победа одного рода над другим достигалась зачастую бескровно. По преданию, все члены противостоящих родов собирались вместе и смотрели, в каком стане больше людей. Самый многочисленный род становился победителем, за которым

закреплялись преимущества или ему выплачивалась контрибуция. Межродовым конфликтам посвящены такие предания как «Уриан и Малуна», «Оран», «Еха», «Ховоко», «Умна».

Мифология эвенков, как и других первобытных народов, носит эколого-генетический характер, в связи с чем сохранилось достаточно резкое разделение на «своих» и «чужих» – по роду занятий, языку, внешнему виду, фенотипу и т.д. Вражда между родственниками (например, героем и его тестем) обусловлена во многом тем, что они принадлежали к разным родам, что в родоплеменном обществе чужака, инородца делало врагом. В противоположность этому фраза «Я эвенка – ты тоже эвенк» могла стать ключевой в установлении межличностных контактов и во взаимопомощи.

Особое место в структуре сказочного повествования занимают исторические предания о борьбе эвенков с другими родами и захватчиками-бандитами. Часто повторяющийся сюжет – противостояние эвенков и лесных разбойников – чангитов. Наибольшее число таких преданий сохранилось у эвенков Забайкалья, где они столкнулись с другими народами – якутами, бурятами, маньчжурами. Чангиты выступали как враги всех эвенков. Эти сказки повествуют не только о мужестве народа в борьбе за будущее, но и о его сообразительности, житейской мудрости, единении перед лицом общего врага. Герои таких историй – не только мужчины-охотники, защищающие свою жизнь и семью («Чапа» [3], «Находчивый эвенк» [3], «Хитрый старик» [3], «Лучший охотник» [3]), но и женщины, чья находчивость не раз спасала детей и мужчин («Маленький богатырь» [3], «Умная жена» [3]). Показательно, что даже если гибнет весь род, хотя бы один ребенок (мальчик) остается как символ надежды на возрождение, новое процветание и неизбежную справедливую кровную месть.

Следует отметить, что чангиты не оцениваются в качестве «недочеловеков»-инородцев, как, например, в хрестоматийном китайском источнике «Шан Хай Цзин» – песьеголовые, дырвагрудые, полулюди-полурыбы и т.д. Тем не менее сохраняются определенные черты культуроцентризма, что является неотъемлемой составляющей самоидентификации культуры в целом и отдельной личности. Соотнесенность со своим родом и племенем, наличие его названия, ценностей и традиций рода – обязательные атрибуты большинства эвенкийских сказочных героев. У народов Дальнего Востока мир (вселенная) часто представляется как огромное животное – олень или лось, стоящее лицом к югу. Его центр – голова, которую народы обычно идентифицируют со «своей» национальной группой: те, кто южнее (например, китайцы, маньчжуры) – это рога, а якуты – туловище.

Чангиты как бы выпадают из подобной упорядоченной системы мироздания, что подчеркивает их инаковость и чуждость. Даже их кочевой образ жизни, казалось бы сходный с эвенкийским, кажется противоестественным и хаотично-разрушительным. В то же время чангиты наделяются почитаемыми эвенками добродетелями, достоинствами и слабостями обычного человека. Так, в сказке «Лучший охотник» [2] эвенки и чангиты соревнуются в силе, ловкости, беге, борьбе, смекалке и т.п. И хотя в конце сказки чангитский богатырь признает, что его противник – эвенкийский богатырь – «лучший из лучших охотников», его собственные достоинства не умаляются.

Соперниками эвенков выступают и якуты, которые не только могут взять эвенка в плен и заставить его работать на себя, но и выступают в контексте мифа как «конкуренты», оспаривая право на привилегии, – например, возможность жениться на Дочери Солнца («Орокто Потовья» [2]) или получить звание Самого Сильного («Три силача» [2]). Это противостояние восходит к эпохе, когда «тунгусские роды только что образовались» («Три силача» [2, с. 26]). Тогда среди эвенков жили три богатыря, они все делали сообща и помогали друг другу, а сила их была такова, что юрту они связывали из вершин деревьев. Слава об их мужестве и мощи шла по всей земле. Узнав о таких знаменитых богатырях, якутский богатырь решил померяться с ними силой. Ему удалось победить старших братьев. Спустя некоторое время, чтобы отомстить за позор старших братьев, младший убивает якута, охотившегося недалеко от их стойбища. С того дня сильнее эвенкийских богатырей никого не было. «Это было давно, теперь тунгусы не убивают друг друга» [2, с. 27]. В «Предании о Дынгине» [4] тунгусский богатырь побеждает самого царя якутов Дынгына, и тот отдает за него свою дочь.

В эвенкийском фольклоре образы врагов представлены многогранно. Это и враждебное окружение инородцев, и завоеватели-разбойники, среди которых наиболее часто называются чангиты и Нурговуль [4]. Имя Нурговуль известно практически всем эвенкам, западным и восточным. Повсеместное распространение этого образа и связанного с ним мифоисторического повествования свидетельствует о его древности, об эпохе первоначального компактного проживания эвенков. Имя Нурговуль употребляется и в других вариантах: Нургоуль– тюркизированное Нургаабыль. Видимо, это была историческая личность, поскольку она упоминается в исторических документах, – например, в списке енисейских эвенков за 1683 г. [1]. Сказание всегда повествует о жестокости, с которой разбойник во время отсутствия мужчин нападает на стойбище, убивая мальчиков и тем самым лишая род будущего, а молодых женщин уводит с собой. Подобная практика использовалась многими завоевателями, в том числе и русскими покорителями Сибири.

За героем-богатырем всегда стоит его род. Встретив в лесу всего лишь нескольких своих, герой готов выступить против целого народа, похитившего его сестер («О людях в рыжих одеждах и храбром юноше» [3]). Часто ему помогает шаман – камланием или советом, например, как в рассматриваемом сказании, посоветовав выпить кровь из сердца кабарги. Эта магическая процедура позволяет стать храбрым и, видимо, ловким. Кабаргу нужно поймать и убить без стрелы. Нарушение цельности жертвы, как и физические дефекты, делает жертвоприношение невозможным, поскольку дар становится неполноценным. Поэтому даже человеческие

жертвоприношения (пленников у ацтеков) предполагали «аккуратное пленение», оглушение ударом по голове без видимых физических увечий.

Враги («Маяты» [3]) зачастую изображаются как дикие, не знающие простейших правил «безвредной» охоты, их агрессия направлена не только против эвенков, но и против самой природы: «с живых оленей они сдирали кожу и выкалывали им глаза». Тогда уже не эвенки, а сами духи природы начинают противостоять вредоносной экспансии врагов. Из-за невыполнения традиционных правил они гибнут. Природа отказывается кормить тех, кто так неблагодарен, поэтому маяты – разбойники-«варвары» – гибнут, убивая друг друга из-за вмерзшей в лед дохлой рыбы.

Северные эвенки, ангарские и забайкальские пешие охотники, всегда настороженно относились к своим южным соседям-скотоводам, разводившим домашних оленей на мясо, использовавших лошадей. Мифы о героях-мстителях связаны с этнической и культурной самоидентификацией, утверждением норм и обычаев племенных коллективов. Остались в исторических преданиях и отзвуки запрета на браки пеших охотников с оленеводами.

Ряд эвенкийских сказок, сохранивших исторические предания, повествует о знакомстве с русскими – их культурой, особенностями быта и хозяйствования. В сказке «Дружба» [4] эвенки изображаются во времена противостояния лесным разбойникам-чангитам, которые неизменно одерживали победу, пока русские не дали эвенкам ружья. Русские описываются как крупные мужчины с лицами, заросшими волосами цвета прошлогодней травы, как «нетажные люди», доброжелательные к эвенкам, приносящие им блага цивилизации, облегчающие жизнь.

Русские, особенно в «новых сказках», выступают как некий образец, достояние, сулящее еще большую выгоду и видимые положительные перспективы. В сказке «Старик и эвенки» [4] такой персонаж называется просто «старик», но с его подачи в жизни эвенков начинаются серьезные перемены, они заимствуют у русских лыжи и ружья, начинают менять меха на продукты, учатся печь хлеб из муки, запасы которой позволяют эвенкам всегда быть сытыми. Миссия «старика» кратковременна и однократна, выполнив ее, он навсегда уходит.

В то же время в ряде рассмотренных сказок отмечается недоверие к предлагаемым русскими благам (земледелие, торговля и др.). В сказке «Манги» русские уравниваются со злыми духами манги – соблазнительями и врагами всего человеческого («Манги» [4]).

Сказки, собранные в различных регионах, населенных эвенками, несомненно, имеют ряд значительных отличий, обусловленных этническим и культурным окружением, в котором оказывались эвенки в различные периоды своего исторического существования. Культурная диффузия была результатом кочевий и других миграций, вызванных как природными (неурожаи, падеж скота, эпидемии), так и социальными (конфликты между родами, нападения разбойников-чангитов) факторами. Но, несомненно, сказки эвенков, проживающих на достаточном удалении друг от друга, объединяет ряд общих черт: сюжетное повествование, жанровая специфика, способ организации текста, символическое и мифологическое содержание.

Таким образом, в эвенкийском фольклоре представлено несколько типов культурных героев. К ним относятся, во-первых, мать-прародительница или девушка, наделяющая героев магическим знанием и открывающая тайны природы; во-вторых, – животные, прежде всего медведь и лиса, передавшие человеку навыки оленеводства и охоты; в-третьих, – шаманы, научившие пользоваться огнем и указавшие лучшие пути для кочевий и места расселения; в-четвертых, – герои-охотники, богатыри, научившие бороться с врагами; в-пятых, – русские охотники и переселенцы, приобщившие эвенков к продуктам земледелия, снабдившие их современным оружием и т.д.

1. Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор: Учеб. пособие для педучилищ, – Л., 1960. – 339 с.

2. Пежемский В.С. Эвенкийские сказки / под ред. Г. Кунгурова. – Иркутск, 1937.

3. Эвенкийские сказки / собр. и обраб. Г. Пинегинной, Г. Коненкиным. Вступ. ст. М.А. Сергеева. – Чита, 1952.

4. Эвенкийские народные сказки / сост. и вступ. ст. М.Г. Воскобойникова. – Якутск, 1960.